

Александр МАЛИКОВ

выпускник БГПИ 1984 г.,

член Союза писателей России

АЛЬМАНАХ «ПРИАМУРЬЕ»: Юбилей с долей грусти

«Сирота»

В первых числах 1958 года короткой строкой в «Амурской правде» сообщили о выходе очередного, шестого по счёту, литературно-художественного альманаха «Приамурье», органа областного литературного объединения.

В послевоенном СССР проблем хватало даже и на втором десятке лет. Особенно в сельском хозяйстве. Приамурье не исключение. Урожайность зерновых и сои стыдливо продолжали определять в пудах, при этом в партийном печатном органе то и дело критиковали за приписки и неспособность сохранить убранный. Не особенно-то щадя самолюбие секретарей райкомов, всё же больше критиковали власть исполнительную: не способна-де научить крестьян работать. Впрочем, рядом с призывающими к трудовому подвигу передовицами непременно красовались ретушированные портреты успешных производственников. Катастрофически не хватало сельхозтехники, особенно уборочной. Об удобрениях и гербицидах велась лишь полемика, на державный восток их поставляли ничтожно мало. Как бы то ни было, в аграрной области в битве за урожай, удои и привесы велось решительное наступление по всей линии фронта, при этом в борьбе с разрухой и бестолковщиной область несла серьёзные кадровые потери. Газета регулярно фиксировала внимание читателей на том, кого сняли с занимаемой должности, кого понизили либо перевели, а кого и отправили за Можай... за те самые прегрешения, за которые ещё десять лет назад ссылали, сажали, отправляли туда, откуда не возвращаются.

Читая пожелтевшие страницы, ощущаешь: отдельно взятый регион хозяйствует с чудовищным напряжением, даже с надрывом. При этом любая промашка ведёт к мгновенному взвихрению настроений активной части амурцев. Что это: накопившаяся усталость, раздражение, разочарование от неудач?

В то же время регулярный выход альманаха, да ещё и тиражом в три тысячи экземпляров, – знаковая примета налаживающейся жизни. Но ведь и тут не задалось.

Спустя месяц после выхода книжки в свет в том же органе обкома партии и облисполкома появилась сер-

дитая (чтобы не сказать разгромная) статья за подписью Н. Кукина, учителя средней школы № 30 Благовещенска.

За какие прегрешения обрушил весь свой критический пафос учитель на составителей и редактора альманаха? Вот что он пишет: «Выход из печати очередного номера альманаха “Приамурье” – значительное событие в культурной жизни нашей области. Открывая книгу, читатель с интересом ищет в ней новых произведений о жизни и труде амурских рабочих, колхозников, интеллигенции».

Вроде бы логичный зачин. Но далее автор продолжает уже заметно строже, моментами распаяясь, будто «товарищ из органов» на собрании в хозяйстве, где на корню сгорел урожай.

«... Основные произведения альманаха – поэма Д. Цирулика “Начало биографии” и повесть Д. Фёдорова (псевдоним, настоящее имя – Дмитрий Фёдорович Мартынюк, биолог, кандидат наук, служил в ветеринарном институте. – А.М.) “Потомки ланцепупов”. На них и следует остановиться подробнее», – сделал заявку, будто к началу разбора персонального дела на бюро, учитель в роли критика. Читаешь это, и в сознании возникает образ, но не одного человека с несколькими размытыми чертами лица, с сурово сдвинутыми к переносице бровями, сжатыми в ниточку губами и бликующими при свете настольной лампы линзами очков в роговой оправе, а группы товарищей. Впрочем, теперь любой старшеклассник знает, что в родном отечестве этот период уже полвека называют короткой хрущёвской *оттепелью*, за которой последовал возврат к закручиванию идеологических гаек. Между тем на местах, особенно в окраинных регионах, никто особенно-то те гайки и не ослаблял. И этот вывод проистекает из простого анализа газетных публикаций.

Нет, глава государства Н.С. Хрущёв ещё не продемонстрировал мировому империализму «Кузькину мать», наиболее мощную на тот момент атомную бомбу в действии, не грозил с трибуны ООН закопать на три метра в землю и проклятых империалистов, угнетающих колониальную Африку, и недобитых, окопавшихся в Европе нацистов, ещё далеко до Карибского кризиса. И не завтра Хрущёв учинит шальную расправу на выставке

художников в Манеже... А на душе тревожно. От одних только публикаций в областной газете. Да что же за явление такое – «оттепель», так и не отогревшая всё необъятное государство? Выходит, оттепель – это где-то там: в Москве и Ленинграде. К тому же весьма кратковременно и дозированно. Зато бдительность местных идеологически выдержанных товарищей, кому она полагалась по долгу службы, никуда не подевалась. И при появлении даже неочевидных признаков угрозы устоям срабатывала немедленно.

«На первое» критик подал поэму.

«В основу сюжета и композиции положена биография молодого советского человека, погибшего на фронте Великой Отечественной войны», – делится сообщением учитель, коему от щедрот редакции отвалили 450 драгоценных газетных строк, за которые на редакционных летучках обычно ведётся нешуточная рубка.

«Рассказывая о своём безымянном современнике, автор пытается осмыслить факты собственной биографии. Имел ли автор что сказать читателям? Кажется, имел. Это видно особенно из концовки поэмы, где Цирулик стремится подвести итог, сделать выводы, обобщить сказанное:

И во имя павших до победы,
Верность нашей юности храня,
Не имею права жить на свете
Без борьбы, без страсти, без огня,
Комнаткой отгородившись тихой
От большого мира, от людей,
Если бродит по дорогам лихо (зло! – Н.К.),
Бродит лихо по земле моей!

Вся логика описанных в поэме событий должна, казалось бы, привести к этому общему выводу: образ погибшего современника, даже друга, зовёт на борьбу со злом (а не с “лихом”, – употребление этого просторечного слова, содержащего некоторый оттенок фатальности, здесь неправомерно). Образ погибшего зовёт на борьбу со злом в социальном смысле, со злом, противоречащим нормам человечности», – учит критик. А заодно и преподаёт урок начинающим – как надо писать. Как?

А и не знаю, как надо было писать в середине 1950-х. «Истинный Бог, не ведаю», – говорила моя бабушка, родившаяся под Киевом в самом начале прошлого века и осваивавшая грамоту по заголовкам «Правды» уже на пороге замужества, всю жизнь шёпотом, хоронясь даже близких, поносившая власть почём свет – за голод и гибель детей даже в период между войнами; за то, что для власти всегда важнее жизни подданных была идеологическая выдержанность. А голодомору власть будто не затрагивал: ни один из партийных бонз не заплатил карьерой, не говоря уже о том, чтобы жизнью. Как тут следует излагать, не покривив душой? Выходит, у моей бабули Анны Говорухиной своя правда, а у Кукина своя.

Между тем, в связи со строками поэта Цирулика и реакцией на них Н. Кукина, возникла одна ассоциация. Но прежде – ещё строфа из поэмы:

...Есть ещё во всём всегда послушный,
Безобидный, кажется, пока, –
Тихий обыватель равнодушный.
Он страшнее явного врага!
Отрави его благополучье,
Выбей землю из-под ног его!

Словом, сам поэт – вполне, кажется, идеологически выдержанный продукт системы. Но критик не верит в искренность автора и тут. «В данном случае уже зона борьбы со всем злом сужается до борьбы с обывательщиной», – недоволен Кукин.

Теперь об упомянутой ассоциации. В жизни Н.В. Курочкина, урождённого благовещенца, но по работе и душевной привязанности сибиряка (жив, обретается в Новосибирске), был короткий период, когда в 1988–1992 гг. его, вернувшегося на родину по зову партии (требовались талантливые литераторы для укрепления писательской ячейки), тепло приняли, вручили ключи от трёхкомнатной квартиры в спокойном районе города неподалёку от центра. А сориентировал партию вернуть на родину сформировавшегося литератора Марк Гофман. Благодаря ему же был издан отдельной книгой роман Н. Курочкина «Соседей не выбирают» – этакая заземлённая фантастика или даже фантасмагория. Затем крепкий автор с пятью книгами законно вступил в главный творческий союз писателей... Молодёжь к нему тянулась. Покой Курочкину, наверно, только снился, ибо в их со Светланой Борзуновой квартире постоянно находились гости. Он был старше, опытней, а потому хотелось пообщаться с ним как с литератором, услышать дельный житейский совет. Разумеется, читали и перечитывали книги Николая – большая часть его рассказов и повестей была на производственную тему. Кажется, на нефтянке он являлся немалым начальником, даже персональный вертолёт ему полагался.

Но одна повесть Курочкина, «Смерть экзистенциалиста», явно выдавалась из ряда, в чём-то едва уловимо, как нам, начинающим авторам, казалось, перекликалась с романом Ю. Домбровского «Факультет ненужных вещей». Иногда общение случалось за «рюмкой чая». И вот сидим в компании, наливаем, тупеем: я медленнее, поскольку имею привычку через одну-две пропускать, а мой товарищ, назову его В., быстрее, поскольку принципиально не пропускает. И вдруг В. говорит:

– Владимирыч, а Маликов, знаешь, что про тебя сказал? Что всё, кроме «Экзистенциалиста», ты наваял с прищуром на государственную премию. Но, говорит, ты её фиг получишь, поскольку конъюнктура – штука плохо просчитываемая.

Нельзя не отдать должное В.: умел он талантливо ввинтить что-нить эдакое, поставить в неловкое положение товарища. Николай Владимирович извиняться и оправдываться посчитал излишним. Он вообще имел привычку разговаривать глядя не в глаза, а куда-то в сторону, будто боялся, что прожжёт в собеседнике отверстие, если сфокусирует на нём взгляд больше чем на секунду. Курочкин лишь резюмировал после мхатовской паузы длинной в два розлива: да, мол, передай своему малопьющему Маликову, что нам всем не хватает искренности, бо-

имся показать себя несовершенными, что ли? Но ведь у каждого из нас может быть свой план касательно литературы. Это прозвучало как утверждение, но не навязываемое, а в порядке обмена мнениями.

«Малопьющий Маликов» сидел в пределах досягаемости здорового мужика, к тому же хорошо тренированного тяжелоатлета, жонглировавшего двухпудовой гирей, будто дуршлагом. И уж точно способного в секунду открутить ухо любому. А Маликов на тот момент весил не больше семидесяти, ну и уши опять же торчком...

Я, конечно, пытался объяснить: мол, говорил я и не совсем уж чтобы так... Но в целом, о той самой неискренности и шла речь. И вообще, в замечательном будущем востребована будет исключительно искренняя ироническая литература, как «Экзистенциалист», который аккурат и являет собой первый кирпич в здание светлого будущего...

Далеко припрятав энтузиазм, я ощущал себя побитой собакой, которую предал хозяин.

Не скажу, что тот случай сильно ударил по отношениям, но доверительного общения не стало. А вскоре Курочкин уехал. Обрато в Сибирь. Наверно, и в самом деле у него был свой план. Впрочем, в Сибири властью писатель Курочкин обласкан так и не был.

Вот и в случае с поэтом Цируликом «план не сработал». Не смог способный литератор выполнить «социальный заказ». Не справился. По мнению рецензента. Тем более что дальше автор поэмы «просел» ещё больше:

...И меня --
Запомнил с детства я --
Ситцевая бедность иссушила.
Нас одной иголкой мать-швея
Шестерых оборвышей вскормила.
И хоть слёз немало пролила, --
Сердцем материнским понимала,
Что страна ей всё бы отдала,
Если бы сама не голодала.
Если бы не мучилась сама --
Никому бы зла не причинила...

Но семья, как ни крути, -- семья,
Что ни день, то есть она просила.

Годы гасят память иногда.
Забвтью не поддаётся голод.
До сих пор мне горло лебеда
Горечью и жёсткой остью колет.

Всё стерпело б детство.
Но когда
Нет отца...
Намного жизнь суровой.
Есть такое слово -- сирота.
Безобидное, как будто, слово.
Если же о нём тебе трубят --
Превратится слово в острый камень,
Пущенный намеренно в тебя --
Если не убить,
Хотя бы ранить.
Хочется порой кричать и выгть
За своё обиженное детство.
Сирота...

Если вы, читатель, расчувствовавшись, всхлипнули: «Какие великолепные, пронзительные строки!», то критик вас тут же одёрнет:

«...Есть и другое противоречие в поэме. Автор, проводя аналогию между собой и героем поэмы (оба, кстати, родились и выросли в советской среде, воспитавшей и героев Краснодона, и Зою Космодемьянскую, и Александра Матросова), говорит об иссушающей его «ситцевой бедности», о том, что ему до сих пор «...горло лебеда / Горечью и жёсткой остью (?) колет».

И, противопоставляя себя окружающей действительности, автор надевает маску обиженности, разочарованности. Как известно, задачей художественной литературы является отражение действительности в конкретных жизненных образах. И вот с точки зрения художественности основной слабостью поэмы является абстрактность повествования».

Чтобы закончить с критикой поэмы и перейти к главному в номере «Приамурья» за 1957 год (текст альманаха подписан к печати в июле), предлагаю вот такую мини-зарисовку с натуры -- со слов одной моей возрастной знакомой, назову её Т.:

«1956 год, Серышевский район, я, ученица седьмого класса, кое-как пёхом добралась из соседнего села (школа в 12 км) домой. Вхожу в нашу приземистую саманную избу, маленькое оконце, перед ним стол, на столе... кусок хлеба! Разумеется, тотчас схватила его и откусила. Нет, попыталась откусить. Поскольку это был мой же старый башмак, не по злому умыслу, а по забывчивости оставленный дедушкой после ремонта. Проплакала до вечера. И так жили почитай все в деревне. Кроме одного-двух мужиков, промышлявших охотой. Да и то незаконно. Ибо ружья власть держать не разрешала. Даже если численность волка возрастала столь угрожающе, что гибли люди. Шёл тринадцатый год после войны. Между тем селянам категорически не выдавали паспорта. Чтобы не разбежались по городам».

О чём это я? Об «абстрактности повествования». Вникаешь в аргументацию рецензента и спрашиваешь себя: может, они из разных эпох, отстоящих одна от другой на столетия, и из разных стран -- моя постоянно голодная в детские годы знакомая и критик Н. Кукин?..

«Невнятные ланцепупы»

Но более всего автора статьи пробрала повесть, выдержанная, как теперь сказали бы, в ироническом ключе. Существует специальный термин -- ироническая проза. В лучших произведениях Чехова, Булгакова и некоторых других авторов подача материала ироническая, лишённая издёвок над персонажами. Однако непримиримый рецензент заглавного текста альманаха «Приамурье» упорно определяет стиль подачи материала как сатирический и сравнивает автора «Потомков ланцепупов» с легендарными ваятелями «Золотого телёнка» и «Двенадцати стульев». Как ему возразить? Во-первых, Фёдо-

ров-Мартынюк создавал свой текст в творческом одиночестве, явно спешил, поскольку редактор (Марк Гофман) вёл настоящую осаду автора, полагая, что устные рассказы, привезённые из многочисленных командировок по Дальнему Востоку, непременно должны быть изложены на бумаге. Редактор был в восторге от способности биолога рассказывать о приключениях в ироническом ключе, не забывая посмеяться и над собственной незадачливостью в некоторых житейских ситуациях. Словом, Мартынюк сдался, в отличие от Ильфа и Петрова, на гонорар не рассчитывая. Сопереживая своим героям, оправдывая недальновидность и несуразность некоторых их поступков, автор, что называется, многократно, чуть ли не в каждой главе, каялся за них. А каялся — значит, скидка полагается, так постановил устами своего литературного героя другой, ещё более легендарный классик. Это в шутку.

А теперь всерьёз. Мог ли не зацепить, не сделаться докучливой соринкой в слезящемся глазу труженика отдела пропаганды обкома вот такой пассаж автора «Потомков ланцепупов»?!

В зачине повести некто Пётр Андреевич Слесарев, боевой орденосный полковник и уж точно коммунист, на вопрос Павла Сотникова (соседа по купе пассажирского поезда), любопытствующего и чуть наивного выпускника агрофака, повёл себя легкомысленно. Этот полковник, видно потерявший страх в ту пору, когда ещё старлеем поднимал роту в атаку на ненавистного фашиста, на вопрос вчерашнего студента — а что, мол, ещё, кроме тигров, у вас тут водится, в ироническом ключе ответил:

— ...Ещё водятся ланцелупы.

— Это что же за звери? — опять спросил Пашка.

Полковник закурил и рассказал о ланцелупах словами газетной статьи (на самом деле это был чистой воды экспромт), примерно так.

Во второй половине девятнадцатого столетия в бухту Золотой Рог вошёл французский корабль и бросил якорь у поста Семёновского, на месте которого потом вырос Владивосток.

Командир корабля послал на берег матросов с бочонками за пресной водой. Одна ли потребность в пресной воде привела французов в бухту — неизвестно. Доподлинно известно, что к командиру корабля явился русский офицер — начальник поста, представился и повёл дипломатическую беседу довольно мирного содержания.

В это время прибежали встревоженные матросы, посланцы за водой, и доложили своему командиру, что в лесу они обнаружили скрывающихся людей. Люди были голые, волосатые, с тёмной окраской кожи, а при появлении матросов мгновенно скрылись в делях.

— Разве в этих местах встречаются дикари? — спросил командир корабля.

И начальник поста довольно бойко объяснил, что в этих местах, действительно, обитает дикое племя ланцелупов, что и было занесено в корабельный журнал. Не мог же начальник поста рассказать командиру французского корабля, что деньги, отпускаемые на содержание поста, присваиваются им, а вверенные ему солдаты ведут полудикий образ жизни, как всамделишные полинезийцы.

История с этим племенем была настолько популярна, — продолжил рассказ полковник, — что уже позже во Владивос-

токе создалось нечто вроде клуба ланцелупов, куда входили забулдыги из офицеров местного гарнизона. Из деятельности этого клуба описано одно событие. Задолго до революции было вычислено, что небезызвестной планете Венере предстоит пройти через диск Солнца и что это редкое явление хорошо будет видно на Дальнем Востоке. И вот Российская академия наук направила из далёкого Петербурга во Владивосток известного по тому времени учёного, чтобы проследить и описать это астрономическое явление.

Но во Владивостоке на пути Венеры, Солнца и, главным образом, петербургского светила появились ланцелупы из упомянутого клуба. Земному светилу была устроена торжественная встреча с подобающим такому случаю возлиянием. После возлияния пришлось похмелиться. Но так как каждое похмелье является, в сущности, тем же возлиянием и влечёт за собой последующее похмелье, то несчастное земное светило потеряло счёт дням и вспомнило о цели своей поездки из Петербурга во Владивосток лишь после того, как злополучная Венера сиганула через солнечный диск без учёного свидетеля.

Что доложил астроном Академии, осталось неизвестным. С точки зрения ланцелупов, все события были разыграны весьма удачно.

— А сейчас, — спросил Паша — сохранились на Дальнем Востоке ланцелупы или переродились, как тигры?

И полковник ответил так:

— Если рассматривать ланцелупа как существо, по ряду признаков неприемлемое для современного общества, то вы его можете встретить на своём жизненном пути, пожалуй, чаще, чем тигра, женьшень, медную обшивку фрегата «Паллада», трубу крейсера «Новак» и другие вещи из дальневосточной романтики, которыми здесь любят огорошить приезжего с запада.

И всё!!! В остальном на все восемьдесят страниц альманаха — на все пять условных печатных листов — всего один мало-мальски отрицательный персонаж — мстительный, глуповатый популист и на пике карьеры откровенный вредитель хозяйственник Когодий, отдалённо напоминающий Огурцова из первой комедии Э. Рязанова. Да и того приспособленца партийные власти в итоге изобличили, за чем последовали оргвыводы — отрешение от руководящей работы.

В остальном — исключительно положительные герои. Например, миленькая предсказательница погоды («Погода бывает не всегда, как требуется <Когодию>»). Ещё фронтовик — председатель колхоза Цыбуля (у которого в чемодане восемнадцать орденов и медалей за образцовое выполнение заданий командования и проявленное при этом мужество), рачительный и в чём-то даже, как сейчас сказали бы, прогрессивно мыслящий руководитель. Да возьмите того же агронома Пашу, в начале повествования чуточку наивного, в начале карьеры немного простодырого, но в конечном итоге сделавшегося по-хорошему упёртым специалистом и новатором. Ещё — мудрые партийные руководители: и в районе (здесь в этой роли оказался тот самый ироничный полковник Слесарев, рассказавший историю о ланцелупах), и в области (суровый, но мудрый и справедливый «хозяин»). А колхозников — тех хоть сразу на божничку победителей соцсоревнования рядом с конторой, под флагом с красным серпасто-молоткастым стягом. Да, иные из них

упирались, да, не сразу пошли в колхоз. Но ведь – хоть и не своим умом, но дошли, вняли призыву парторга!

Даже прохиндейский цирюльник Молодчага, комбинатор уровнем помельче Остапа Бендера, в результате манипулирования на тщеславии Когодия сделавшийся адмиралом фруктовых вод – руководителем завода прохладительных напитков – и слегка приворовывающий, был прихвачен «органами» на очередной манипуляции с утайкой и перепродажей части сиропа. Кстати, его оригинальный способ отъёма денег у государства специалистам определённого толка мог бы стодиться и сегодня.

И даже на неутомимого изворотливого журналогу-строчкогона Тайфун-Тайванского автор нашёл мудрого редактора-строчкоруба.

Неслабо прилетело в «Потомках ланцепупов» от автора, по роду профессиональной деятельности близкого к академической среде, разного рода прохиндеям от науки. За изобретательное очковтирательство, пустую болтовню и лень.

Каковы же аргументы «неангажированной, справедливой и умной» критики?..

«Повесть “Потомки ланцепупов” по замыслу автора должна иметь характер весёлой сатиры (и где же автор заявил именно об этом своём замысле? – А.М.). Автор отдал предпочтение вычурно-комическому стилю, предав забвению комизм самих жизненных ситуаций. Повесть лишена комически-занимательного сюжета, который цементировал бы всё произведение, нет в ней единой линии, связанной с центральным сатирическим образом (как это, например, есть в “Двенадцати стульях” и “Золотом телёнке” И. Ильфа и Е. Петрова)».

«Правда, по мысли автора, таким образом мог бы явиться молодой агроном Сотников, – развивает тему учитель-критик. – Но это, во-первых, положительный персонаж, в сатирической-то повести (вот заладил! – А.М.), а во-вторых, он дан слишком эскизно для этой роли. Поэтому и вся повесть кажется композиционно расплывчатой».

Далее цитировать нет смысла, потому что ничего принципиально нового в оценках критика не добавляется. Чтобы уж наверняка добить автора «Ланцепупов», рецензент пишет про заимствования у классиков жанра Ильфа и Петрова. Примерно с такой же сомнительной аргументацией.

Вы скажете: за подобные прегрешения не расстреливают. Зablуждаетесь. В недооттепель в наших краях расстреливали. Морально. В первую очередь – главного редактора. А им был Марк Гофман, выпускник редакторско-издательского факультета (единственного на тот момент) Московского полиграфического института. Те, кому полагается докладывать в Белокаменную о происках врагов – явных и скрытых, с докладом не задержались. Из Москвы сурово погрозили кулаком. По воспоминаниям жены Марка Гофмана Верлены Фраер, обком КПСС созвал совещание, заслушал персональное дело редактора. Но и в той среде встречались люди разумные. Редактор отделался строгим выговором с занесением в личное дело.

Вообще же за свою редакторскую жизнь, как рассказывали его коллеги и современники, Марк Либерович собрал целый букет таких взысканий. Между тем, проработав в два приёма порядка трёх лет с ним в одной команде, в том числе полгода в одном кабинете, я как-то не замечал на лице Гофмана печати даже очень глубоко спрятанного страха. Возможно, его выручала творческая работа с литераторами, давала мотивацию жить и помогать способным людям. Так и в случае с шестым номером альманаха. В котором публиковались, между прочим, тексты ещё и Г. Новикова-Даурского, Н. Фотьева, И. Ерёмкина, А. Лосева... Уже громко звучала поэзия Л. Завальнюка, творчеству которого Редактор придал завидное ускорение.

Как бы то ни было, власти своего добились: в результате жёсткой критики «Ланцепупов», похоже, сломался настроенный на позитив автор. И если Гофман, судя по воспоминаниям современников, разгром перенёс стоически или даже иронически, то Мартынюку спасительной самоиронии с элементами здорового цинизма не достало. Как человек совестливый, Дмитрий Фёдорович явно переборщил с самоедством, вина во всём исключительно себя, это в итоге его и надломило. Научная карьера обрушилась, да и уехать ему пришлось далеко – поездом семь суток добираться.

Но пострадали не только отдельные люди: издание альманаха «Приамурье» было прекращено и возобновлено лишь в 1969 году, причём под другим названием – «Приамурье моё» и в другом формате – литературно-художественный сборник.

Александр МАЛИКОВ

выпускник БГПИ 1984 г., член Союза писателей России,
лауреат литературной премии им. Л. Завальнюка (2017)

От редакции. В предыдущем, 16-м, выпуске альманаха мы напечатали первую часть воспоминаний Александра Маликова, в центре которых – образ Марка Либеровича Гофмана (1927–2008), замечательного редактора, человека, сыгравшего значительную роль в становлении книгоиздательского дела и литературной журналистики современного Приамурья. Предлагаем вниманию читателей заключительную часть этих мемуарных очерков.

АЛЬМАНАХ «ПРИАМУРЬЕ»:

Юбилей с долей грусти

Окончание

«Послали по пятому пункту»

Как полагает Ольга Константиновна Мамонтова, теперь редактор с огромным стажем, а в пятидесятые под началом Марка Либеровича Гофмана ещё только начинавшая в издательстве свою деятельность (с технических брошюр), Мартынюк – автор особенный, но и не без чувства самосохранения. Просто «так карта легла». Не повезло. И в самом деле, после яркого начала (повесть «Потомки ланцепупов»), будто испугавшись собственной смелости, съехал к монотонности в описании быта и трудовых подвигов колхозников. Хотя... Году в 1965-м на большой экран выйдет фильм «Председатель» с Михаилом Ульяновым в главной роли. Не комедия, однако местами с иронической подачей. Материал Мартынюка также вполне годился как основа для постановки фильма на столь же хорошем уровне. Так считает редактор с без малого шестидесятилетним стажем.

А вот воспоминания Верлены Львовны Фраер о муже: «Марк хорошо чувствовал в людях их скрытые возможности. Так произошло, например, с Д.Ф. Мартынюком. Это был обаятельный человек. Наделённый богатым чувством юмора. Он хорошо знал Дальний Восток, много поездил. К моменту написания «Ланцепупов» положение в сельском хозяйстве стало предметом обсуждений и критики даже в верхах. А Дмитрий Фёдорович не понаслышке знал проблемы колхозной жизни».

Конечно, издание научных брошюр, буклетов или воспоминаний партийных маразматиков не было любимым занятием Гофмана. С видимым удовольствием он работал с литераторами. Увы, мы никогда уже не узнаем, на какой высоте находился его потолок как литературного редактора. Не помню, чтобы Гофман злоупотреблял определением «талантливый». Разве в двух случаях. Вторым был Владимир Илюшин. Обычно говорил: «способный», «небезнадёжный». Работал Гофман с человеческим материалом, имевшимся у него под рукой. А Благовещенск хоть и столица Приамурья, однако очень уж маленькая. И самородки при здешней небольшой плотности и обогащённости россыпей попадают крайне редко.

Володю Марк Либерович и ценил, и любил. Но даже от него редактору с фантастическим чутьём на талант доставалось, иногда, правда, не по делу. Как и от других соплеменников талантливого прозаика. За что? За то, что держал спину прямо. За якобы предпочтительное отношение к «своим» – это я про общность по пресловутому пятому пункту. Возможно, не без этого. Но поручиться не взялся бы, поскольку знаю Гофмана пост-издательского. Когда «мастера литературного цеха» уже перестали к нему заглядывать. Этому удивляться не стоит: старый лев никому не нужен.

Марк Либерович, сколь помню, зла ни на кого не держал, а талантам прощал всё. Терпения, воспитанности этому человеку доставало неизменно. Ох, уж это его легендарное терпение! Для многих – притча во языцех. У меня на этот случай свои истории. Хочу принародно покаяться.

«Саргассово море», рассказ, 1500 строк

В начале 1990-х в «Амурских вестях» сформировалась крепкая команда журналистов и затесавшихся меж ними молодых литераторов. Причём не просто так прибывших к газете, а исключительно по прозаической причине: в ней трудились сразу два матерых литературных редактора, перебравшихся в здание газетного комплекса на Калинина, 126 после упразднения амурского отделения Хабаровского книжного издательства. Таким образом популярная газета стала для молодых творческой площадкой. «Вести» выходили трижды в неделю в формате А-2 большим, а по нынешним временам так и космическим тиражом. И мы, примазавшиеся, то есть журналисты-выскочки, имевшие дипломы каких угодно специалистов, но не филологов, в очередь публиковали рассказы, отрывки из повестей и романов – Волчков, Воронков, Илюшин, Маликов, Паршин, Рыльский, Юдин и обязательно ещё кто-то из примкнувших к нашей ватаге щелкопёров и, как водилось при тех, по сути братских, отношениях, творческих собутыльников. Без иронии выс-

кажу суждение: когда «в меру», такое «сотворчество» на финише рабочего дня только цементирует коллектив. Сейчас «этого» в оставшихся на плаву газетах нет.

...И вот моя очередь. В понедельник на летучке заявляю рассказ «Саргассово море», как-то само по себе пришло название, уж и не помню с чего, откуда. Кроме названия, в голове ни единой сколь-нибудь путной идеи. Зато в понедельник к 16 часам у меня обязательная сдача 350 строк, кои – умри, но роди из диктофонной записи разговора с замом губернатора по госимуществу. Плюс довесок, и тоже обязательно – сводка сельхозработ.

Перед обедом входит в кабинет Гофман и деловито спрашивает: «Саша, а как у вас с рассказом?» Мнёт в руках всегдашнюю свою дурацкую липучку (иногда, казалось, он с нею и родился) – кажется, из материалов в панельном жилищном строительстве, как бы не банальный изолятор-затык для прорех при монтаже панелей. Спросил и не уходит, пытливо наблюдает за мной. Под этим взглядом я начинаю нервно суетиться. Привычно держа спину прямо, не переставая наминать свою вечную липучку, Гофман уходит.

Открываю страницу: на мониторе узколицего компьютера лишь унылые «Саргассово море», чуть ниже – «Рассказ» и приписка: 1500 строк.

Завтра и послезавтра поездка в сёла Константиновского района и по результатам командировки подготовка репортажа о «трудовом подвиге» животноводов. В 15 часов возвращаюсь. Илюшин пустил по кругу шапку. Будем праздновать редкое явление в редакцию задушевного товарища – Виктора Волчкова (Егорыча), спецкора по Зейскому району. Метнул купюры в шапку и я. Последние. Вовка шумно снялся, чтобы успеть в магазин. При акте передачи купюр входит Гофман и вкрадчиво спрашивает: «Саша, как у вас с рассказом?» Не про даярочек с потрескавшимися, красными от адовой работы руками спросил и не про героических скотников и механизаторов, а снова про рассказ. Вру, что «уже вышел на финишную».

Вечер заняли Илюшин, Волчков и компания. Расставались уже никакие.

Утром я в редакции раньше всех. Сдать материал по животноводству – раз! И наконец-то взяться за рассказ – два!

Материал к обеду сдал. Сдал и обещанный довесок – текст статьи, фактуру к которой нарыл в архиве ещё неделю назад. Про Желтугинскую республику. Впоследствии этот материал мотивировал меня писать роман как раз-таки на тему республики вольных старателей. Материал с фотками вековой давности хорошо улёгся на полосу.

Но это к вечеру. А пока открываю злосчастную страницу. Там всё те же унылые – заголовок «Саргассово море», под ним «Рассказ» и приписка, чтобы не забыть – 1500 строк...

К вечеру приехал кто-то из спецкоров-районщиков. В редакции шум, колгота, сдвигание столов и звон гранёных стаканов. Перехватываю у Мамонтовой и «кидаю на общак». Всё, следующие два дня без хлеба. Зарплату задерживают.

Назавтра всё повторяется: Гофман мнёт липучку и вновь про рассказ. «На финишных клетках, Марк Либерович». Чую, не верит, поскольку распечатку я ему не предлагаю. А это 20 страниц с лишком. В голове пустота. Ни крохотной мыслишки, оттолкнувшись от которой можно было б хоть как-то начать. Открываю страницу. На мониторе всё то же, будто надо мной насмехающееся. И подлая приписка – 1500 строк.

С четверга на пятницу сна нет. И не может быть. За мной рассказ. К обеду я должен выдать «полтора килограмма». Или умереть. От стыда. Но лучше выжить. Ведь завтра праздник. Какой? Конец рабочей недели. Перехватываю у Либеровича. Зарплату даже не обещают. Я деревенский – живу в Маркове, это в 35 километрах от областного центра. Каждый день домой не наездишься. Часто ночую в спальнике под рабочим столом. К 20 часам народ рассосался: кто сам, а кого бережно увели. Как же, счастливое завтра дальневосточной литературы! Открываю страницу. Там всё то же и эта дурацкая приписочка с циферками.

До полуночи даю себе отдохнуть, мечтая уснуть хотя б часика на два-три, тогда, может, из меня «попрёт». Лежу на спине, в окно едва-едва достаёт свет от уличного фонаря, освещая стену. На которой любимый «праздничный» снимок в дешёвенькой рамке – Волчков, Илюшин, Воронков, девчурки из редакционных, я и... Гофман с Мамонтовой. И будто бы слышу, как Либерович эту свою хрень противно так мнёт в руке: чвяк-чвяк-чвяк... Образовавшийся в липучке пузырь – хлоп. Рафинированный интеллигент смотрит с фотографии виновато, но в упор. Ты, молвит, уж прости меня, зануду, не спалось самому, оттого посреди ночи пришкрёбся и твой сон потревожил, но очень уж хотелось взглянуть, как там волна на море? И этот кроткий взгляд умных глаз поверх очков. Приходит мысль: «Сколько Либеровича знаю, одни и те же они у него, что ли?» И ещё одна тревожная мысль в уже воспалённом мозгу: «К чему это я подумал, или – галлюцинации? Чёрт бы его побрал, этого... Словом, шуганул, как шуганул бы привидение, «послал» ни в чём передо мной не виноватого редактора по пятому пункту в особо грубой форме. И себя с ним за компанию: куда, мол, ухайдокал месяц, когда можно было выписать текст, облачком витавший где-то в пространстве...

Перед обедом текст сдал. Все 25 страниц. Что-то сам почёркал, что-то Либерович – не тулился рассказ в отпущенное для него пространство. Править времени уже не оставалось.

– Ну, во-о-от что значит, Саша ответственно потрудились, – ближе к концу пятничного «праздника» Марк Либерович вдруг поднял бокал «за авторов завтрашнего номера». – Хорошая, плотная работа, её сразу видно, – объяснял публике мудрый Гофман.

Иронии никто не почуял. Я потом спрашивал. А тем вечером полупьяная компания на сентенцию редактора согласно кивала.

Рассказ «Саргассово море» зажил своей жизнью. С минимальной авторской правкой печатался в газетах, журналах, книгах, сборниках не менее шести раз. Больше любого другого рассказа. С тех пор, если случится где-то

на ходу поймать ускользающую мыслишку, кажущуюся дельной, быстренько притулюсь где-нить и черкну на клочке бумаги или картона определяющую пару слов, чтобы позже напомнили мне о счастливой находке. И обязательно добром помяну гениального мотиватора Марка Гофмана: «Либерович подсобил».

Марку Либеровичу не стоило труда убедить, что газета любого литератора с потенциалом связывает по рукам и ногам. «Необходимо вовремя соскочить», – утверждал он, мнения своего, однако, не навязывая. Позднее, проводив в артель старателей, где я вознамерился добыть материал для крупного произведения, редактор не забыл обо мне; встретил по окончании сезона и предложил поработать в управлении информации обл администрации: «Может, подсказать что потребуется...».

Полгода трудились бок о бок. Много о чём говорили. Поминали и историю написания рассказа «Саргассово море». Можно было бы вспомнить детали, но незачем. Недавно на сайте «Проза.ру», в этой огромной мусорке, служащей прибежищем для графоманов, где среди маньяков изредка встречаются разумные люди, один из тех немногих отозвался на «Саргассово море» точно в духе Гофмана разлива зимы 1995–1996 годов. Потому, собственно, и обращаюсь к этому небольшому тексту, предлагая его без купюр:

Псевдодеревенский волапюк

...Вот, Александр, не могу согласиться, что это наспех написанный проходной рассказ. Штучка мастерская и очень, я бы сказал, характеристическая для Вашего творчества. Поэтому отнеситесь, плиз, к тому, что прочтёте ниже, не как к критике, а как к попытке классификации. Я уже писал Вам, что Вы автор типа Зощенко и Платонова, со своим особенным и неповторимым стилем. Следствием этого счастливого таланта является своего рода преломление взгляда на мир.

Разумеется, суть этого мира Вы видите хорошо, и все выводы Ваши о жизненных саргассах, границы, которые мы устанавливаем сами, вполне согласуются и с моим, и с любым, наверно, жизненным опытом. Но в деталях рассказ неправдоподобен, в том смысле, что так не говорят, так не действуют и вообще «так не бывает» – как на всякий случай разъяснила киномеханику, а заодно и читателю, искушённая старшекурсница естественно-географического. Нет, так, конечно, бывает, и я даже знаю похожие случаи. Но так не бывает в деталях, которыми вы сыплете со щедростью истинного импрессиониста.

Например, Ваши деревенские жители говорят на каком-то совершенно необыкновенном псевдодеревенском волапюке, вобравшем в себя все диалекты русского языка, бытующие от Кубани до Чукотки. В то же время юмор деревенских парней практически неотличим от юмора студенток, да и все студентки прямо-таки отштам-

пованные прошмандовки, хотя в действительности все очень разные.

И не надо даже пытаться уличить меня в незнании реалий. Я заслуженный боец стройотрядов МАИ и с этим аспектом жизни ознакомился в своё время недурно. Столкновение городского с деревенским я испытал на собственной грудной клетке и не раз. И даже феномен одинокого женского стройотряда в посёлке наблюдал со стороны; это было гораздо жёстче, чем Вы изобразили. Не так оно выглядело, не так происходило. Хотя итогом, действительно, бывал *пинх-понх*. Но чаще не бывал. И вообще в жизни всё сложнее.

Но это я по природе исследователь. И такие вещи смущают только меня. А Вы – художник, и Вам совершенно законно должно быть всё это по барабану. Равно как и Вашим читателям, которым я настоятельно рекомендую насладиться затейливым узором авторской мысли, отгоняя от себя дурную привычку представлять всё в натуре. Это, блин, искусство, и надо его воспринимать соответственно.

Вы, Александр, создаёте свой мир и обретаетесь в нём с комфортом. Герои тоже там живут не тужат: они хоть и ненастоящие, но чертовски хорошо отлакированы и раскрашены. Вот, собственно, на этом и примите моё восхищение со всей его ограниченностью и со всей его искренностью.

Константин Дегтярёв, г. Москва

Отдаю дань москвичу. Однако Марк Гофман, киевлянин по рождению, редактор, как говорится, милостью Божьей, наделённый не только огромным чутьём (О.К. Мамонтова), но и способностью постоянно самообразовываться, говорил мне то же самое, воздерживаясь от определений *талантливый, искусство, восхиительно с ограничением*, не упоминая Зощенко с Платоновым и иже с ними. Но зато рекомендовал то, чему его самого учили в вузе лучшие преподаватели, готовя к работе с литераторами. А именно: пореже рассматривать в зеркале своё отображение, пока молодой, и почаще – в зрелом возрасте, не держать под рукой журналы и книги со своими текстами, без промедления отправлять в известном направлении назвавшего вас талантливым. Я почти и отправил, помнится, Редактора... В чём теперь каюсь.

Между прочим, в 2018-м ещё один юбилей – печальная дата. Десять лет без Марка Либеровича...

И в заключение из Валентина Распутина: «Когда родственники по крови уходят – одно дело. А когда уходят товарищи, это... будто приехал в родную деревню, где всех знаешь с детства, но ты остро чувствуешь, что пойти по улице и просто, как было прежде, посидеть на лавке рядом, запросто перекинувшись парой слов, да просто помолчать ты не можешь и с тем, и с этим, и... ни с кем не можешь».